

Размышление о символических деталях и особенностях изводов образа Пресвятой Богородицы «Агиосоритисса - Параклесис»

Обратимся в своих размышлениях к теме хорошо и детально прослеженной в многочисленных искусствоведческих исследованиях, к иконографии Божией Матери Агиосоритисса. Преклоняя себя перед столь почитаемым намоленным и чудотворным образом... и в виду столь значительной искусствоведческой литературы о различных изображениях этого иконографического типа... мы, по возможности, не утрачивая благоговейного перед иконой настроения, станем размышлять о некоторых, казалось бы, не слишком значительных частностях, о нюансах иконного извода в пространной череде примеров... Все эти нюансы и особенности словно бы исчезают в молитвенном почитании образа, слитны в единое моление перед иконой. Моление, обращаемое к Матери Божьей через посредство живописанного символа, удже не останавливается на распознавании частностей в изображении, проходит сквозь них и устремляется к Первообразу, Предмету молитвенного устремления. Однако же эти нюансы – присутствуют, изображены, пусть и не предназначены для распознавания, тем более, если это распознавание станет отвлекать собою нашу молитву. Удержимся на тонкой грани разумения и благочестия, единой милостью Божьей – потщимся удержаться... и позволим себе это рассмотрение с рассуждением перед иконой. И да не омрачит это рассуждение сердец, да не иссушит молитвы, быть может – привнесёт в неё более радости, смиренной полноты в произнесении сердечных слов... Присутствуют, изображены нюансы, пусть не к распознаванию... или же, точнее, не распознавание знаков – цель этих изображений. И – рассмотрим, сопоставляя, не выстраивая из этого сопоставления особенной цели – рассмотрим, не вовлекаясь в соотнесение стилистических особенностей изводов, историей благочестия перед ними, агиографией жития икон в миру человеческом... - рассмотрим и сопоставим их. Как знать, не отзовётся ли усилиям в разумении частностей – Целостный Первообраз – Господь наш...

Рассудим же о нюансах в трактовке жеста, взора Царицы Небесной, попробуем выяснить для себя и уяснить себе некоторые оттенки Богословских смыслов, которые выявляются и могут быть распознаны в различных изводах образа Агиосоритиссы... Эти нюансы будем распознавать в том, что почти неприметно с первого взгляда, что действительно «бросается в глаза» лишь при сопоставлении различных икон. Не для того изведены они, не для сопоставления... а мы вот... я вот – сопоставляю зачем-то: положение фигуры Богородицы, наклон головы и направление взора, направление рук, разворот ладоней Богоматери в молитве, расположение нимба и рук относительно иконных полей... Этими размышлениями – занимаю себя, побуждаю каким-то необъяснимым внутренним влечением к тому, чтобы лично разобраться в этом символическом языке, в этой знаковой Богословствующей речи образа, казалось бы, совершенно очевидной и вполне понятной без всяческих затруднений. Затруднения и абсолютные недоумения, переходящие в восторг узнавания смыслов - возникают именно при сопоставлении различных изводов... по крайней мере – так со мною. И – предлагаю эти размышления как самому себе – человеку заинтересованному, случайному и благодарному, быть может, спорящему со мной - представляемому теперь читателю этих вот строк.

Итак, образ Богородицы Агиосоритиссы. Многочисленные толкования относят это изображение уединённой молящейся Богоматери – к первоиконе «Агиосоритисса» - «Свято-Рачица» (агиа сорос - святая рака греч.), расположенной в Халкопратийском храме близ собора Святой Софии Константинополя. В этом храме хранилась великая христианская святыня – ларец (сорос) с поясом Пресвятой Богородицы, принесённым сюда из Святой Земли. В другом сакральном месте царственного града Константинополя – во

Влахернском храме – располагалась ещё одна великая святыня Богородицы – Святой Покров – мафорий. По свидетельству исследователей в Константинополе совершались торжественные шествия со святыней Покрова из Влахернского храма в храм Халкопратийский – в квартал халкопратов, ремесленников – жестянщиков, медников. Среди ремесленного люда, вблизи императорского дворца – в Халкопратийском храме встречались две святыни, части облачений Богоматери – к сугубому благочестивому почитанию и духовной радости народа Божьего. Шествие святынь через город, их встреча, преподнесение к молитвенному поклонению... радость о заступничестве в земных делах Путеводительницы к Царствию Небесному - торжественное ликование верных и обрадованных... Святой ларец с поясом Богородицы до дня осквернения Града Константинова сонмищем османов, до разрушения церкви в квартале халкопратов, до разделения Пояса на части – пребывал в своём храме, на месте, быть может, предизбранном Богородицей. Икона Агиосоритиссы Халкопратийской, авторство которой благочестивая традиция приписывает апостолу Луке, - была хранительницей святыни... Пояс и моление перед ним – сопровождалось образом Богородицы. Можно себе представить, как икона, являясь святыней от апостола, была связана с частью облачения Богоматери, а паче того, - с молитвенным почитанием святыни народом Божиим. Перед Поясом, как небесным знаком от вознесшейся Богородицы, ниспосланном апостолу Фоме – воздет ко Господу жест Царицы Небесной на иконе. Удивительна вера и личность апостола Христова Фомы, требующего, чающего подтверждений, ощутительных свидетельств для своей несомненной и глубочайшей веры. Требовал, желал веруя – вложить свои персты в отверстия, не зарубцевавшиеся раны Воскресшего... личных требовал уверений от вознесшейся по Успении Богородицы... - и получил Пояс от небес к своим ногам. К этому ли небесному явлению устремлён ввысь жест Богородицы Агиосоритиссы Халкопратийской? Ввысь воздеты предплечья Её рук и ладони... уверительно, доверительно – к нам – устремлён Её взор.

Не исторические сведения, либо предания беспокоят нас и понуждают к размышлениям перед образом. Икона – сопровождала великую реликвию, реликварий, содержащий Пояс Богородицы. Икона – образно наставляла молитву человека, поклоняющегося святыне. Сохранился ли тот самый образ из Халкопратийского храма? И какой из существующих, почитаемых образов наиболее совпадает с перво-иконой от апостола Луки... сейчас об этом помыслить с некоей достоверностью весьма затруднительно, мы и не дерзаем на то чтобы установить то, какой из образов был некогда вблизи реликвии в разрушенном ныне Халкопратийском храме. Не ставим себе задачей выявить основные черты неизвестного образа либо по некоей «равнодействующей» от множества вариантов – установить общий смысл утраченного. Задачу себе не поставим столь уж линейно. Образ просится к уяснению... это ли обычная игра слов и легкомысленное краснобайство в угоду этой игре по неизвестным правилам.

Разберём же хоть некоторые иконографические нюансы в различных изводах, говорящие прежде прочего о творческой свободе и духовном поиске образотворцев... о том, что Дух Божий волен столь различно являть Себя и отображать перво-смыслы, играя их оттенками в формах, доступных нам. Много-образны смыслы, которые мастер изограф волен был, либо принуждаем наитием – вместить в изображаемый иконный сюжет, в личный извод, как личное Богословствование живым письмом. Оговоримся, конечно же, наитие конкретной трактовки сюжета могло истекать не только лишь через мастера-иконописца, но и через некоего заказчика иконы, либо духовного наставника,

молитвенника, духовидца, который благословлял мастера на труды и в деталях трактовал извод иконы, именно такое, особенное, изображение.

Заметим ещё раз, что изображение Халкопратийской Агиосоритиссы – Святорачицы – иконы, находящейся вблизи святой раки с реликвией – может быть чрезвычайно разно-образным, но это разно-образие может быть мало заметным. Прежде всего привлекают внимание различия стилистических особенностей письма, технических приёмов... но не к ним устремлено наше внимание, но, прежде прочего, к символам, несущим значимые смыслы. В нашем рассмотрении мы не станем двигаться по какой-либо временной шкале в попытках проследить изменения образа, выстраивая различные иконографические изводы в соответствии с течением времени создания их. Дозволим себе некую свободу в рассуждениях и прежде – скажем о самых общих символических смыслах этого изображения. В общем случае, на иконе Агиосоритиссы изображена Богородица без Богомладенца с жестом рук, направленным в сторону от Неё, к некоему неведомому, невидимому в иконе сюжету, к некоему Первообразу или Перво-смыслу, находящемуся за пределами этого изображения. Наиболее просто и, казалось бы, что естественно – объяснить это свойство тем, что в образе Агиосоритиссы перед нами – лишь часть некоей иконной пространственной композиции, часть некоего сакрального пространства, включающего святую раку возле иконы и человека, либо собор верующих, молящихся перед иконой и ракой, перед иконным символом и сакральным предметом – святыней. Именно поэтому Агиосоритисса так часто обращена взором прямо к молящемуся, предлагая некое внутреннее движение в молитве во след жесту рук, восходящему вверх, горе.

Вместе с тем, современному взору, пусть бы самую малость навыкшему к восприятию икон, напрашивается желание встроить Агиосоритиссу в деисис и в деисисный чин. Более того, обширная практика благочестия в иконопочитании проделывает именно это уж многие века. Образ в деисисе справа от Христа в силах и слева от нас – есть образ Богоматери с жестом, близким Агиосоритиссы, а порою этот образ совершенно никак не отличается от известных икон Агиосоритиссы Халкопратийской. Образ Богоматери в деисисе с молитвенным жестом обращён к образу Христа в центре чина. С подобным жестом слева от Христа, справа от нас, в деисисе расположен образ Иоанна Предтечи. Соотнося положение фигуры и жеста Божией Матери, слишком легко представить себе, что образ Агиосоритиссы есть некая часть от трёхчастной иконы – триптиха моления – деисиса. Привычная композиция деисиса восходит своими смыслами к эсхатологическому образу конца мира, когда Христос в центре деисиса есть Судия Второго пришествия и являющему Себя Богу – предстоят Божия Мать и Иоанн Предтеча. Привычное восприятие этого образа подвигает нас к тому, чтобы мы представляли Божию Мать в деисисе слева от нас, справа от Христа. Так, фигура Богородицы в деисисной композиции должна быть повернута от нас вправо, фигура и жест, взор Её должны быть обращены ко Христу... или же в некую область, связанную со Христом, в пространство перед Ним. Так деисисом формируется образно-символический объём, включающий молящегося человека и молитву, в это же неизобразимое и не изображённое пространство – погружается взоры молящихся перед образом деисиса. Спаситель-Судия ещё не явил Себя, но уже раскрыты в деисисе пространственный символ, образный объём встречи. Так привычно осознаются смыслы в устроении деисиса. Кратко упомянем, что трёхфигурный деисис традиционно расширяется в некое образное молитвенное предстояние, включающее иконы деисисного ряда – чина и молящихся людей... образно составляется деисисный молитвенный объём. Чин – череда фигур – включается в образно-эсхатологическое предстояние на Страшном

Суде, когда за фигурами Богородицы и Предтечи следуют фигуры архангелов, а вслед за ними – апостолов Христовых, знаменующих ангелов и апостолов Суда... а далее в чине деимима – святители и далее состав святого предстояния в деисисе может быть так различен. Собственно деисис-моление – это три фигуры в центре: Христос, Богоматерь и Предтеча, - фигуры в полный рост, либо поясные, либо оплечные.

Однако, в случае с образом Агиосоритиссы Халкопратийской, при всей схожести символического устройства, перед нами очень часто выявляется одна явственная, слишком явственная особенность. Образ Богоматери во множестве изводов Агиосоритиссы развёрнут от нас влево, что совершенно не допускает саму возможность включения этой иконы в привычный деисисный чин, в котором Богоматерь одесную Сына. Заметим, что на значительном числе икон Агиосоритиссы, в том числе претендующих на подобие перво-иконе, мы видим и противоположный разворот фигуры – вправо от нас, как мы наблюдаем это в композиции деисиса.

Но – приступим же наконец к последовательному рассмотрению некоторых примеров. В сравнительном рассмотрении мы надеемся усвоить основные символические смыслы, чаем осознания знаков Халкопратийского образа Богоматери Агиосоритиссы... Как бы это осознание хоть на миг – приблизило нас к сокровенному Первообразу, медлящему открыть Себя нашему греху и нечестию на грани любопытства, столь далёкого от благочестивой пытливости апостола Фомы. Но – приступим же, взывая к милости Господней, да не отвратит Он взора от нашего вопрошания, да не сокроет ушей Своих от неразумного моего лепета.